
Не прощай меня, дракон
Ливия Норвейн

Ливия Норвейн

Не прощай меня, дракон

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Не прощай меня, дракон / Л. Норвейн — «Автор», 2026

Ключ от нашего будущего дома я хранила шесть лет, хотя самого дома так и не построили.Рейнар подарил мне его незадолго до того, как я выдала дракона врагам. За его свободу мне обещали жизнь моих родных. Я согласилась на сделку, понадеявшись, что любимый сумеет защитить себя.Он выжил. Только ко мне больше не вернулся.Когда война пришла в нашу долину, судьба вновь свела нас. Рейнар согласился вывести жителей через горы, а мне предстояло провести несколько дней рядом с мужчиной, чьи поцелуи я помнила лучше, чем собственные молитвы.Как трудно было привыкнуть к его отчужденности, когда когда-то я засыпала в его объятиях. Как страшно было заметить в его глазах прежнюю нежность и позволить себе надеяться.Но у судьбы скверное чувство юмора. Вскоре мне снова предложили спасти семью ценой его свободы.Не прощай меня, дракон. Я слишком долго мечтала о твоем прощении, вместо того чтобы стать женщиной, которой ты мог бы снова доверять.

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чернила на мокрой бумаге 5
Глава 2. Человек, которого я знала 13
Глава 3. Цена короткой дороги 20
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Ливия Норвейн
Не прощай меня, дракон

Глава 1. Чернила на мокрой бумаге

Согласно распоряжению, доставленному в архив в первый понедельник осени, нижняя часть Вельдской долины была полностью освобождена от мирных жителей. Документ требовал моей подписи, гербовой печати и внесения соответствующей записи в земельную книгу.

За окном госпожа Редда развешивала детские рубашки. На противоположной стороне улицы сапожник ссорился с подмастерьем, испортившим дорогую кожу, а из пекарни тянуло запахом горячего хлеба. Чуть дальше, за крышами домов, виднелись сады, где начинали собирать поздние яблоки.

По всей видимости, жители нашей долины еще не знали, что благополучно покинули ее.

Я перечитала распоряжение и подняла глаза на посыльного. С его плаща натекла лужица; молодой человек явно рассчитывал поскорее получить подпись и добраться до трактира.

— Когда была проведена эвакуация?

— Мне велено забрать заверенные документы, госпожа Венн.

— Это я поняла. Спрашиваю, когда вывезли людей.

Посыльный оглянулся на окно. Госпожа Редда как раз принялась развешивать мужские подштанники.

— В канцелярии сказали, что все необходимые распоряжения были отданы еще на прошлой неделе.

— Распоряжения и исполнение распоряжений — совершенно разные вещи.

— Мне за это не платят.

— Мне, представьте себе, тоже не платят за подтверждение событий, которых не было.

Я отодвинула чернильницу и осторожно промокнула угол документа. Бумага успела отсыреть под плащом посыльного, отчего синяя печать наместника расплылась по краям.

— Передайте в канцелярию, что сведения не соответствуют действительности. Когда жителей вывезут, я внесу необходимые изменения.

Посыльный тяжело вздохнул.

— Госпожа Венн, у меня еще четыре поручения. Если вы отказываетесь подписывать, напишите причину.

Я написала: «На момент получения распоряжения жители нижних поселений Вельдской долины продолжают находиться по месту проживания. Сведения об их организованном вывозе отсутствуют». Поставила дату и вернула документ.

Из сумки посыльного выпал свернутый лист. На нем я узнала очертания Вельды и красные линии, пересекавшие дороги и поля.

— Подождите. Что это?

— Приложение. Его полагалось оставить у вас после подписания.

Я расправила карту. Красная линия тянулась от верхнего водохранилища к западному мосту и охватывала почти всю низменность. Наши дома могли уцелеть, но дорога к ним исчезла бы под водой.

— Они собираются открыть водосбросы?

— Военные говорят, что иначе неприятель пройдет по западной дороге.

— Когда?

Он указал на дату. До открытия шлюзов оставалось шесть дней.

— Оставьте приложение, — попросила я.

— Без подписи?

— Оно касается земельных сооружений. Архив имеет право хранить копии таких документов.

Молодой человек оставил карту и ушел. Я положила ее поверх земельной книги.

Западный мост пострадал еще весной. После сильных дождей вода подмыла одну из опор, и по нему запретили провозить тяжелые грузы. Летом наместник обещал выделить деньги на ремонт, но началась война, и обещание благополучно затерялось среди более важных государственных дел.

Другая дорога, северная, поднималась к военным складам и дальше уходила за пределы долины. Уже две недели по ней пропускали только обозы с особыми разрешениями.

Оставался восточный склон, где за заброшенными мельницами начинались горы. Когда Тавин был маленьким, мы собирали там орехи; дальше мельниц я почти никогда не забиралась.

К полудню я выписала из книги учета дворов фамилии жителей. Среди них были старики, маленькие дети и господин Лемм, недавно сломавший ногу. Самостоятельно перебраться через горы они не могли.

Я заперла архив, повесила на дверь табличку о временном отсутствии и отправилась в канцелярию.

Дождь кончился. Торговки снимали мокрые полотнища с корзин, мальчишки пускали щепки по канавам. Несколько богатых семей уехали еще на прошлой неделе. Теперь их поспешность стала понятна.

Канцелярия занимала бывший купеческий дом у площади. В приемной пахло шерстью и воском. За столом сидел Астер, помощник местного распорядителя, с которым мы давно знали друг друга по работе.

— Лиора? Ты сегодня рано.

— Мне нужен список выделенного для эвакуации транспорта.

— Для кого? Это военное дело. Мы больше не распоряжаемся повозками.

Я положила перед ним карту.

— Тогда скажи, кто распоряжается.

Астер посмотрел на печать и потер переносицу.

— Значит, распоряжение уже доставили.

— Доставили. Людей только забыли вывезти.

Он закрыл дверь приемной.

— Послушай. Лошадей и повозки забрали для армии. Нам вчера отказали даже в перевозке зерна. Если я составлю для тебя распоряжение, выполнять его будет некому.

— Тогда откройте северную дорогу.

— Ее охраняет гарнизон. Местная канцелярия не может выдавать пропуска без согласования.

— Согласуйте.

— Ты полагаешь, что я этого не пробовал?

Астер не раз помогал мне с потерянными документами, но сегодня и у него не было ответов. Выяснилось, что по северной дороге уже вывезли два обоза служащих, несколько семей с разрешениями и работников складов. Из нашего поселения — никого.

— Попробуй обратиться к старостам, — посоветовал он. — У некоторых сохранились свои лошади.

— Сломанный мост от этого не восстановится.

Когда я собралась уходить, Астер спросил, подписала ли я распоряжение.

— Нет.

— От твоей подписи решение военных не изменится. А неприятности у тебя могут появиться.

Шесть лет назад человек в сером камзоле тоже советовал мне избежать неприятностей одной подписью. Я прекрасно помнила его голос.

— Когда вывезут жителей, тогда и подпишу.

На площади я купила две еще теплые лепешки, хотя аппетита у меня не было, и отправилась к матери.

Наш дом стоял на улице, спускавшейся к яблоневым садам. Отец построил его задолго до моего рождения. Я уже несколько лет жила в служебной комнате над архивом, но приходила к матери почти каждый день. Ирма сидела во дворе и перебирала фасоль. Возле ее ног грелась старая кошка.

— Ты обедать? — спросила мать. — У меня остался суп.

— Нужно поговорить.

— Тогда сначала поешь. На голодный желудок ты всегда говоришь неприятные вещи.

Я поставила лепешки на стол.

— Через шесть дней собираются открыть верхнее водохранилище.

Мать отложила фасоль.

— Госпожа Редда что-то говорила. В прошлый раз она уверяла, будто неприятельские драконы долетели до столицы.

— На этот раз у меня есть официальное распоряжение. Вода отрежет нижние поселения. Нам нужно уезжать.

— Куда?

— Пока выясняю.

— Тогда выясни сначала. У меня здесь заготовки на зиму, яблоки еще не собраны. Кошку нужно будет кому-нибудь оставить. Да и вещи сами в сундуки не сложатся.

— Мама, речь не о поездке на ярмарку.

— Я прекрасно понимаю, о чем речь.

Она закашлялась. С наступлением холодов кашель всегда усиливался, и Тавин не раз пытался уговорить ее перебраться из сырого дома. Я принесла воды и спросила, где он.

— У лекаря. У господина Лемма опять что-то с ногой.

— Собери теплую одежду, — попросила я. — Самое необходимое. Документы, деньги, лекарства. Если придется уезжать быстро, времени на сборы не будет.

— А отцовский сундук?

— Он тяжелый, мама.

— Твой отец купил его в столице, когда мы еще не были женаты. Почти три месяца на него работал.

Ирма отвернулась к саду. Между деревьями блестели яблоки, возле ограды цвели отцовские поздние цветы. Она ждала, что я пообещаю ей возвращение домой. Как часто я давала такие обещания, не зная, в моих ли силах их исполнить.

— Я постараюсь узнать, как нам выбраться, — сказала я наконец. — Остального пока обещать не могу.

За обедом я почти не слушала мать. Перебирала в уме имена купцов, бывших военных, владельцев мастерских. Одно имя обходила стороной до тех пор, пока не отправилась к старосте.

Гален жил возле нижней площади и занимался общинными делами с таким энтузиазмом, словно корона собиралась однажды вознаградить его отдельным поместьем. На деле он получал скромное содержание, головную боль и бесконечные жалобы соседей.

Когда я показала ему карту, он долго рассматривал красные линии, потом снял очки и выругался.

— А ведь обещали обозы.

— Когда?

— Еще десять дней назад. Велели составить списки, подготовить людей. Я дважды отправлял запросы. Последний остался без ответа.

— Сколько жителей готовы уехать?

— Если дать им повозки? Почти все. Старый Марек собирается помирать в собственном доме, но он каждый год это обещает и пока держится лучше меня.

Гален подошел к шкафу и достал пачку бумаг.

— Вот списки. Здесь наши дворы и два маленьких поселения возле южного сада. От мельниц сведений давно не получали. Там, насколько я знаю, люди тоже остались.

Мы сверили фамилии. Кто-то успел уехать к родственникам выше по долине, другие приютили беглецов из мест, где уже появились военные. В списке оказалось сто восемнадцать человек. Я знала, кому принадлежал каждый второй сад, помнила имена их покойных владельцев и споры о границах. Теперь нужно было найти дорогу для живых.

— А восточная дорога? — спросила я.

— За мельницами когда-то возили руду, — пояснила я, развернув карту.

— Дорогу забросили лет тридцать назад, — нахмурился Гален. — Я бы туда козу не повел без проводника. А ты хочешь отправить стариков и детей.

— Значит, нужен проводник с людьми и лошадьми.

— В Каменном Пороге есть спасательная артель. Они прошлой зимой вытаскивали обозы после обвала возле соляных копей. Говорят, хорошие ребята.

— Они работают на этой стороне границы?

— У них разрешение короны. Руководит артелью дракон. Вард. Рейнар Вард. Ты ведь должна его помнить.

Я выровняла края лежавших передо мной листов.

— Помню.

— Насколько мне известно, мужик надежный. Дороговато берет за торговые грузы, но за спасение людей с него иной спрос. У артели есть соглашение с пограничной службой.

— Как с ними связаться?

— Через северный пропускной пост. Туда ежедневно отправляют служебные сообщения. Если повезет, ответ получим еще сегодня.

— Составим запрос, — сказала я.

Я попросила Галена приготовить печать общины и отправилась за картами. Для старосты Рейнар был бывшим капитаном, уехавшим после неприятностей с властями. Для меня — человеком, который морщился от кислых яблок, не позволял никому точить свои ножи и иногда лежал со мной до рассвета, хотя давно пора было вставать.

В архиве я поднялась в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать. Шесть лет назад я представляла свое будущее совсем иначе.

Рейнар собирался построить дом на возвышенности возле старых яблоневых садов. С участка открывался вид на реку, а за небольшим каменным забором начиналась луговая трава, летом доходившая почти до пояса.

Он хотел широкую кухню, просторную мастерскую и двор, в котором дракон мог бы свободно расправить крылья. Я требовала большую ванну, отдельную комнату для книг и окна, выходившие на восток.

По поводу кухни мы поспорили: Рейнар считал две печи достаточной роскошью, а я уверяла, что дракон, способный нагреть руками кастрюлю, ничего не понимает в жизни обычной женщины. Он нарисовал третью и приписал: «Для госпожи Вард и ее чрезвычайных обстоятельств». Дом мы так и не построили.

За несколько месяцев до свадьбы Рейнар обнаружил в служебных документах распоряжения о незаконном изъятии чужих земель. Его объявили нарушителем приказа, затем начали разыскивать. Место, где он скрывался, знали немногие.

Когда забрали мою мать и брата, мне предложили назвать это место в обмен на их освобождение. Я согласилась. До сих пор помнила комнату, где давала показания, запах воска и перо с расщепленным кончиком. Помнила, как спросила, когда отпустят Тавина, и как спокойно прозвучал мой голос.

В тот день мы втроем вернулись домой. Рейнара задержали. Мне хотелось верить, что он докажет свою правоту и выйдет из крепости. Письмо, которое я ему отправила, вернулось нераспечатанным. Через полтора года я узнала о его освобождении, затем о переезде на границу.

Стоило кому-нибудь заговорить о нем, как я меняла тему. Я убеждала себя, что оставляю Рейнара в покое из уважения к нему. На самом деле боялась услышать подробности того, что случилось после моих показаний.

Теперь мне предстояло просить его о помощи.

Я позволила себе посидеть еще немного, затем сняла промокший плащ, переоделась и спустилась в архив.

Старые карты хранились в дальнем помещении. Там было прохладно даже летом, а деревянные шкафы пахли смолой и высушенными травами, которыми предыдущий хранитель пытался отпугивать насекомых.

Я нашла книгу расходов старого рудника. В ней упоминались работы по укреплению сводов, установка ворот и восстановление каменных печатей драконьими мастерами из Каменного Порога. Чертеж сохранился между листами с перечнем земельных участков.

Восточная дорога проходила за мельницами, пересекала горный массив, выходила к лощине и дальше к верхнему посту. Тридцать с небольшим километров. Для здорового человека расстояние невелико; для обоза с детьми и больными — совсем другое дело.

Когда-то мастер-дракон объяснял мне устройство таких печатей: без периодического нагрева минерального состава они постепенно теряли силу. Обычный огонь был недостаточно горяч, а слишком сильный разрушал знаки. Если укрепления еще сохранились, дракон мог бы помочь нам открыть проход. Рейнар знал горы и располагал людьми, способными провести обоз.

Я сделала копию чертежа, отметила предполагаемые участки остановок, затем свернула бумаги и направилась к Галену.

Староста уже приготовил печать.

— Нашла что-нибудь?

— Старый рудный проход действительно существовал. Вот чертеж. Если сохранилась хотя бы часть дороги, есть смысл проверить.

Гален разложил карту.

— Через саму гору?

— Да.

— Никогда не любил места, где над головой несколько сотен локтей камня.

— Я тоже предпочитаю крыши обычной толщины.

Он усмехнулся.

— Хорошо. Будем надеяться, что наш дракон сумеет разобраться.

Я составила запрос, указав число жителей, состояние дорог, сроки затопления и наличие старых карт. Общинных денег не хватило бы на обычную плату артели, но у нас было право просить о чрезвычайной помощи. Гален прочитал бумагу и поставил печать.

— Подпиши от себя как хранительница книг. Чтобы Вард знал, к кому обращаться.

Моей подписи, строго говоря, не требовалось. Я могла указать только должность, и Рейнар узнал бы о моем участии уже по прибытии, когда отказаться от помощи жителям было бы гораздо труднее.

Я обмакнула перо в чернила и вывела: «Лиора Венн, хранительница земельных и водных книг Вельдской долины». Рейнар когда-то говорил, что узнает мой почерк среди сотни других.

— Готово.

Гален убрал документ в футляр и велел племяннику доставить его к северному посту. Мы договорились, что он уточнит списки и оповестит жителей, а я подготовлю карты.

На площади торговцы уже собирали товар. Я представила, что Рейнар мог жениться, и, к собственному стыду, ощутила ревность. Ведь и сама не прожила эти годы в ожидании его возвращения: за мной ухаживал Веррис, владелец переплетной мастерской. Мы расстались, когда выяснилось, что он хочет переехать в столицу, а я не готова оставить работу и долину. Прошлой зимой Веррис женился. Рейнар имел такое же право устроить свою жизнь.

Вечером Тавин вернулся домой с корзиной лекарственных трав и тремя свежими ссадинами на руках. Как выяснилось, господин Лемм решил самостоятельно подняться с постели, после чего брату пришлось ловить его возле шкафа.

— Если он еще раз попробует встать без разрешения, я привяжу его к кровати, — объявил Тавин, усаживаясь за стол.

— Очень милосердно для будущего лекаря.

— Милосердие заканчивается, когда пациент весом в четыре мешка муки падает на тебя.

Мать поставила перед ним миску супа.

— Сначала поешь. Лиора собирается отправить нас неизвестно куда.

— Уже нашла дорогу? — спросил он.

Я рассказала о карте, восточном переходе и спасательной артели.

При имени Рейнара брат перестал жевать.

— Вард?

— Да.

— Тот самый?

Я кивнула.

Подростком Тавин обожал Рейнара. Однажды тот взял его в короткий полет, после которого брат целую неделю хвастался, что не испытал ни малейшего страха. В действительности пальцы ему пришлось разжимать уже после приземления. Рейнар никому об этом не рассказал.

— Я думал, он уехал совсем далеко, — произнес брат.

— Оказывается, живет в Каменном Пороге.

— И ты написала ему?

— Мы отправили официальный запрос от общины.

Мать с неожиданной силой поставила кувшин на стол.

— Из всех людей тебе обязательно было обращаться именно к нему?

Я подняла голову.

— Если знаешь кого-нибудь еще, у кого имеются проводники, лошади и разрешение на работу в горах, назови имя.

— Можно было подождать ответа из канцелярии.

— Я там была. Транспорта не дадут.

— А он даст?

— Не знаю.

Мать покачала головой.

— Я не хочу, чтобы тебе пришлось перед ним унижаться.

— Просьба помочь жителям не имеет отношения к унижению.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

Тавин с любопытством переводил взгляд с нее на меня. После ареста Рейнара мать не раз повторяла, что я поступила правильно, спасая родных. Тогда мне было необходимо ей верить. Теперь я предпочла не продолжать этот разговор при брате.

— Он руководит спасательной артелью, — сказала я. — Если сможет помочь, то поможет. Если откажется, будем искать другой выход.

— Ты опять собираешься все взвалить на себя, — заметил Тавин.

— А ты предлагаешь что-нибудь получше?

— Предлагаю для начала выяснить, кто из жителей способен идти самостоятельно. У господина Лемма повреждена нога, госпожа Редда недавно родила, у старого Марека проблемы с сердцем. Если повезем всех одинаково, половину придется снимать с дороги через несколько часов.

Я передала ему список. Тавин пообещал отметить всех, кому понадобятся носилки и лекарства.

— И перестань разговаривать со мной так, будто мне пятнадцать. Ты уже собиралась велеть мне не таскать тяжелые вещи.

Я рассмеялась: действительно собиралась. Брат был выше меня почти на голову и уже два года зарабатывал себе на жизнь, а я все еще мысленно видела худого мальчишку.

— Хорошо, господин будущий лекарь. Таскай все, что пожелаешь.

— Благодарю за великодушное разрешение.

Мать посмотрела на нас с неодобрением, но вскоре тоже улыбнулась.

За сборами мы поспорили о шерстяных одеялах и посуде. Из всей посуды мать согласилась взять только медный чайник. Я задержалась у отцовского сундука, погладила вырезанных на крышке птиц и вспомнила о вещи, которую сама не сумела выбросить. Она занимала куда меньше места.

Я попрощалась с родными и направилась в архив.

На улице темнело. Ветер гнал облака со стороны гор, откуда тянуло холодом. Возле домов зажигали фонари, закрывали ставни, убирали с крылец корзины.

У архива меня ждал Гален. Запрос уже передали артели, но ответа пока не было. Староста принес сведения о запасах общины: две исправные телеги с лошадьми, зерно, сушеные овощи.

— Думаешь, Вард согласится?

— Не знаю.

— Говорят, он однажды вывел из гор целую семью, хотя заказчики были против. Деньги из-за этого потерял. Так что, если сможет, наверное, приедет.

Когда-то Рейнар точно так же пожертвовал праздничным обедом, подобрав раненую собаку. Я упрекала его в том, что с таким характером нам никогда не накопить денег на спокойную жизнь. Он ответил, что спокойная жизнь рядом со мной в любом случае невозможна, и поцеловал меня посреди улицы. Я помнила смех прохожих.

— Надеюсь, ты прав, — сказала я Галену.

Староста ушел, пообещав заглянуть перед сном, а я продолжила разбирать карты.

Я сверила старые записи с новой картой. Последний участок восточного маршрута зависел от состояния бокового русла Вельды. Обвела его карандашом: эту деталь следовало сразу показать Рейнару.

Стрелки часов приближались к девяти. Отправляться спать не хотелось, и я навела порядок в ящиках стола, вымыла чашку и принялась за полки. Тут в дверь постучали.

На пороге стоял запыхавшийся Гален.

— Пришел ответ.

Он достал лист с печатью пограничной службы. Артель принимала запрос; ее руководитель и проводники должны были прибыть утром для оценки обстановки и организации эвакуации. Внизу стояло имя: Рейнар Вард. Пальцы у меня похолодели.

— Вот и хорошо, — обрадовался староста. — Завтра с утра соберем людей. Ты покажешь ему чертежи, а я разберусь с припасами. Наконец-то хоть какая-то определенность.

Я попросила предупредить жителей о сборах. Когда Гален ушел, снова прочитала письмо. Рейнар видел мое имя и все-таки согласился приехать. На официальном листе не было ни слова, обращенного лично ко мне. Я ведь не ожидала его признаний через пограничную службу. Отчего же так хотелось плакать?

Я быстро погасила лампы, заперла архив и поднялась к себе.

В комнате было прохладно, но растапливать печь на ночь не хотелось. Я переоделась и достала со дна сундука деревянную коробочку. В ней лежал металлический ключ, на головке которого Рейнар вырезал две переплетенные ветви.

Он подарил его мне у реки, в жаркий летний вечер. Замок для будущего дома уже заказал, а дверь еще не существовала. У драконов был обычай вручать любимому человеку ключ собственного изготовления. Рейнар объяснял, что этот подарок в его семье ценили дороже украшений: он означал добровольное приглашение в дом.

На металле сохранилась царапина с тех времен, когда я носила подарок вместе с архивными ключами. После ареста Рейнара я однажды дошла до реки, собираясь выбросить его, но так и унесла обратно.

Я положила ключ во внутренний карман дорожной сумки. Если завтра придется оставить комнату, он поедет со мной.

За окном снова шел дождь. Лежа под одеялом, я пыталась вспомнить, как звучал голос Рейнара, когда он называл меня по имени. Завтра он, возможно, назовет меня госпожой Венн. И от этой простой мысли мне никак не удавалось уснуть.

Глава 2. Человек, которого я знала

К утру дождь прекратился, и над яблоневыми садами поднялся густой туман. Из окна моей комнаты едва просматривались крыши соседних домов. Внизу, возле архива, уже разговаривали люди: Гален успел обойти несколько дворов и велел всем, у кого имелись телеги, привести их на нижнюю площадь.

Перед зеркалом я задержалась дольше обычного. Темно-синее платье с вышитым воротником сидело гораздо красивее старого коричневого, зато в нем было неудобно работать. Пришлось переодеться. Если сегодня предстояло проверять телеги и таскать книги, следовало позаботиться о рукавах, а не о том, понравлюсь ли я человеку, который приехал сюда совсем по другой причине.

Внизу я разложила на столе чертежи и только после этого взялась за завтрак. Хлеб успел зачерстветь. Пока я размягчала его в горячем молоке, в архив вошел Тавин. Он принес список жителей с отметками: двенадцати взрослым требовалось место в повозках даже на ровной дороге, а для господина Лемма кузнец обещал сделать раму носилок.

Брат стащил с тарелки кусок хлеба и посмотрел в окно.

— Я думал, Вард прилетит раньше остальных. Хотя в такую погоду, пожалуй, лучше ехать на лошади. Ладно, я к Лемму. Если потребуюсь, пошли за мной кого-нибудь из ребятишек.

Рейнар любил проверять местность с воздуха. В прежние годы я нередко слышала шум крыльев задолго до того, как он появлялся у моей двери. Поэтому, когда ближе к десяти утра на улице послышался скрип колес, я ожидала увидеть только его помощников.

Кто-то крикнул, чтобы госпожа Редда убрала белье, натянутое слишком низко над дорогой. Я вышла из архива и увидела первую повозку, за которой шла вторая, доверху нагруженная свернутыми полотнищами, мешками и деревянными ящиками. Лошади были крепкие, широкогрудые, с коротко подстриженными гривами; на колесах блестели недавно смазанные железные ободы.

Проводник в сером плаще остановился возле Галена, и староста указал ему на архив. Возле второй повозки появился мужчина. Он придерживал под уздцы запряженную в нее гнедую лошадь.

Я узнала его по походке. Он ступал широко, немного разворачивая носки сапог, как человек, привыкший подолгу ходить по неровной земле. Темные волосы теперь были короче. Вместо военного камзола на нем оказался плотный кожаный жилет поверх светлой рубахи, а на поясе висели нож и небольшой молоток для проверки камня.

Когда староста повернулся ко мне, Рейнар поднял голову. Я успела забыть точный цвет его глаз: в памяти они были почти золотыми, на самом деле — темно-янтарными. У висков появились складки, среди щетины на подбородке белел незнакомый шрам.

Гален, похоже, считал своим долгом представить нас официально.

— Госпожа Венн ведет наши книги. Это она отыскала старую дорогу и чертежи. Лиора, господин Вард.

Рейнар передал лошадь подошедшему проводнику.

— Добрый день, госпожа Венн. Где можно посмотреть документы?

— В архиве, — ответила я. — Стол уже подготовлен. Прошу вас.

Он придержал дверь и пропустил меня вперед. Когда-то в таких случаях Рейнар всегда касался моей спины. Я по глупости ждала этого прикосновения и сейчас, хотя между нами оставалось вполне приличное расстояние.

В архив вместе с нами вошел еще один проводник — тот самый мужчина, который первым разговаривал со старостой. Он представился Бренном Холтом, старшим в артели, снял плащ и, заметив высокую стопку книг, спросил, не придется ли все это брать с собой.

— Только карты и несколько списков, — успокоила я его.

— Уже легче. У нас с книгами отношения простые: пока книга лежит дома, она полезная. Как только попадает в мой мешок, становится тяжелой.

Я развернула перед Рейнаром карту из канцелярии и объяснила значение красных отметок. Он расспросил меня о смотрителе водохранилища, которого вместе с семьей вывезли на прошлой неделе, затем достал складной циркуль и измерил расстояние до западного моста.

— На подготовку у нас только сегодняшний день. Завтра придется выходить. Бренн, осмотри местные телеги и договорись с кузнецом, если понадобится ремонт. Утром ждать его не будем.

Бренн записал что-то на маленькой дощечке, покрытой темным воском, и отправился искать Галена. Рейнар остался возле стола. До меня донесся запах кожи, дорожной пыли и свежей хвои. Когда-то от его рубашек пахло почти так же, если он возвращался из гор после нескольких дней службы.

Я передвинула карту, чтобы не стоять слишком близко к нему, и развернула старый чертеж рудного прохода.

— Мельничная часть дороги еще существует, — сказала я. — Дальше я сама не ходила. Рудник закрыли, когда истощилась жила. Последняя запись об укреплении сводов сделана тридцать два года назад.

— Печати на чем? На отдельных опорах или по всему своду?

Я потянулась за вторым чертежом, но Рейнар уже заметил нужный лист под папкой. Когда-то мы часто работали вместе именно так: он просил документ, а я успевала подать его прежде, чем он заканчивал фразу. Привычка, казалось, сохранилась у нас обоих. Я убрала руку, позволив ему взять чертеж самостоятельно.

— Вот здесь, — показала я. — В основном возле ворот и над участками, где проход пересекал старые выработки. Каменщики использовали медные вставки с минеральным покрытием.

— Если медь не вытащили за эти годы, их можно восстановить. Состав известен?

— Есть записи о закупке материалов. Я могу выписать пропорции, хотя не уверена, что все названия остались прежними.

В старой книге мы обнаружили упоминание красного каменного воска, которого не оказалось в более поздних записях. Рейнар достал из нагрудного кармана несколько маленьких мешочков с образцами и развязал один из них.

— Похож на это?

На его ладони лежал тусклый красноватый кусочек, похожий на засохшую глину. Я взяла его и рассмотрела на свету.

— В описании говорится, что он должен становиться прозрачным при нагревании.

Рейнар подождал, пока я верну образец, затем положил его на крышку своей металлической коробочки. Через некоторое время от его пальцев пошло тепло. Красный камешек потемнел, а после сделался полупрозрачным, как кусочек янтаря.

— Теперь его называют горной смолой. У нас есть запас. Для печатей на воротах должно хватить, если вы найдете правильный состав.

Я сделала пометку на полях копии. В комнате едва уловимо запахло нагретой смолой. Когда-то Рейнар точно так же растапливал сургуч над моими письмами, и мне нравилось наблюдать, как большая сильная рука выполняет столь мелкую работу. Мне понадобилось немало усилий, чтобы не поддаться желанию коснуться его пальцев.

Почти час мы сверяли старые чертежи с новой картой. Я читала обозначения прежнего хранителя, Рейнар отмечал опасные после дождей участки. Когда понадобилась высота моста, мы одновременно указали на одну строку в книге.

Он коротко взглянул на меня. В уголке рта появилась знакомая складка, обычно предшествовавшая улыбке. Я улыбнулась сама, но Рейнар уже вернулся к книге.

— Эту страницу тоже нужно скопировать. Должны знать, на какой высоте выходим к реке.

Я взяла перо. Он продолжал рассматривать чертеж, и лишь тогда я заметила, что на его пальце нет обручального кольца. Впрочем, драконы редко носили украшения на руках: при превращении даже прочный металл мог деформироваться. Я сердито перечеркнула неверно написанное число. Вместо работы пыталась выяснить, женат ли человек, которого попросила спасти наших жителей.

Когда мы закончили с чертежами, Рейнар изучил отметки Тавина в списке жителей.

— У нас шесть повозок. Еще две обещала община. По обычной дороге этого хватит, если люди согласятся оставить лишнее. Для горного перехода есть складные носилки. Но пусть ваш лекарь осмотрит больных до выхода.

— Он сейчас в верхнем поселении. Мой брат работает его помощником и знает больных.

— Тавин? Помню, как он боялся смотреть на собственный порезанный палец.

— Теперь зашивает чужие. Иногда с таким выражением лица, будто делает виновнику большое одолжение.

Рейнар действительно улыбнулся, однако через несколько секунд уже складывал листы и просил передать брату, чтобы тот подошел после обеда.

Рейнар натянул перчатки и направился к выходу.

— Рейнар, спасибо, что приехал. Я понимаю, тебе было нелегко вернуться в долину.

Он повернулся.

— Запрос был составлен правильно. Вашим жителям нужна помощь, и мы можем ее оказать.

— Мне хотелось бы с тобой поговорить. Когда будет время.

Рейнар посмотрел на меня так внимательно, что я невольно поправила застежку рукава.

— У нас пять дней до открытия шлюзов. До завтрашнего утра нужно подготовить сто с лишним человек. Если у вас есть важные сведения о дороге, я готов выслушать их сейчас. Другие разговоры вести не собираюсь.

— Хорошо, — сказала я.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. Всю ночь я представляла упреки, а он даже не захотел говорить о прошлом. Я села за чертежи и дважды переписала одну отметку. Пришлось соскоблить ножом лишние чернила. Прежде, заметив подобную ошибку, Рейнар предложил бы мне отложить работу и пообедать с ним.

К полудню нижняя площадь преобразилась. Перед кузницей выстроились повозки артели, женщины принесли корзины с хлебом и сушеными овощами. Под навесом проводники проверяли веревки, носилки и плотные покрывала, пропитанные воском.

Бренн освободил для меня место на скамье.

— Четыре повозки отдадим под людей, остальные под припасы. Ваши жители знают, что возле рудника придется оставить весь транспорт?

— Не все. Вчера мы говорили только о возможном пути.

— Лучше объявить сейчас. Иначе завтра кто-нибудь притащит шкаф, а потом станет убеждать меня, что его бабушка на том шкафу всю жизнь тесто месила.

Я вспомнила разговор с матерью об отцовском сундуке. Мы попросили Галена объяснить людям условия перехода, а сами принялись распределять места. Прежде чем открыть список, я спросила Бренна о плате за перевозку. Община собрала деньги, но их, насколько я знала расценки торговых проводников, было совершенно недостаточно.

— Мы работаем по соглашению с пограничной службой, — объяснил он. — Она покрывает часть расходов на спасение людей. Вашему старосте придется подписать ведомость на

припасы, чтобы потом могли разобраться с расчетами. И лучше бы он сделал это сегодня. На границе у него будет полно других забот.

Я обещала подготовить бумаги. Мне стало легче от того, что помощь Рейнара имела обычное, понятное основание. Не хотелось оказаться его личной должницей даже в мелочах, хотя в том, что касалось прошлого, подобное беспокойство выглядело почти смешным.

Господин Марек уверял, что способен преодолеть горную дорогу пешком, если ему позволят взять две бутылки вишневой настойки. Госпожа Редда принесла грудного ребенка, который во время нашего разговора схватил меня за воротник и упорно отказывался его отпускать. Пока мы возились с малышом, за спиной Редды собралась целая очередь. Люди спрашивали, найдется ли для них жилье на границе и можно ли будет вернуться после спуска воды. Я старалась ничего не обещать без уверенности.

Во второй половине дня на площадь приехал господин Торрен, владелец трех садов и большой сушильни для фруктов. Он привез несколько бочек с яблочным вином, сундуки и связку ковров, перетянутую веревкой. Его работник остановил маленькую телегу возле одной из повозок артели и принялся выгружать вещи.

— Господин Торрен, здесь нельзя складывать вещи. Это повозка для пожилых людей.

— Там достаточно места, — возразил он. — Поставьте мои сундуки с одного края, а людей посадите с другого.

— Там поедет госпожа Адель с двумя внуками. Ей трудно подниматься даже по лестнице.

— Она может устроиться на сундуке. У меня хорошая мебель, не развалится.

Госпожа Адель сидела неподалеку, опираясь обеими руками на трость. Она прекрасно слышала Торрена и с каждой его репликой все сильнее сутулилась.

— Ей нужно место, где она сможет вытянуть больную ногу. Ваши вещи не помещаются в обоз.

— Вы хоть представляете, сколько стоит это вино? Я могу расплатиться с проводниками. А если понадобится, поговорю с распорядителем о вашей неразумной принципиальности.

— Поговорите. А сейчас уберите бочки, пожалуйста. Вы мешаете готовить повозку.

Торрен нашел Рейнара, который вместе с кузнецом осматривал телегу. Я ожидала нового спора, но Рейнар сначала присел перед старушкой, попросил ее показать, насколько она может согнуть колено, и велел Бренну приготовить подставку для ноги.

— Господин Торрен, заберите вещи. Наш обоз будет перевозить людей и необходимый для них груз.

— Я заплачу вдвое больше обычного.

— Госпоже Адель не придется платить за возможность сидеть. Решение уже принято.

Торрен несколько мгновений разглядывал нас по очереди, а потом велел работнику грузить бочки обратно. Когда телега уехала, Рейнар посмотрел на список в моих руках.

— Еще были подобные просьбы?

— Пока нет. Но господин Марек хочет взять две бутылки настойки.

— Если понесет сам, я ничего против не имею. Только пусть не выпьет обе до первого подъема.

Я засмеялась. Он усмехнулся и попросил подсчитать свободные места. После этого всех желающих получить дополнительное пространство для имущества Рейнар направлял ко мне. Если возникали сомнения, я обращалась к Бренну.

Тавин появился на площади после трех часов с лекарской сумкой и корзиной чистых повязок. Увидев Рейнара, он остановился, но тот первым протянул ему руку.

— Здравствуй, Тавин. Твоя сестра сказала, что ты теперь занимаешься лекарским делом.

— Здравствуйте, господин Вард.

— Раньше ты меня так не называл.

Брат смутился и поправил ремень сумки.

— Раньше вы обещали научить меня летать.

— Я обещал еще раз взять тебя с собой. Летать самостоятельно было бы слишком затруднительно даже при твоем усердии.

Тавин рассмеялся, и с его лица исчезло напряжение. Они разговорились о носилках и больных. Я отошла, чтобы не мешать. Когда-то брат неизменно садился рядом с Рейнаром за ужином, а я представляла, что после свадьбы они станут почти родными братьями.

К вечеру у нас были восемь исправных повозок и столько же упряжных лошадей. Девять проводников артели вместе с добровольцами распределяли припасы и корм. Бренн велел ничего важного не складывать в одну телегу: на поврежденной дороге могла сломаться ось или колесо.

Незадолго до ужина пришла мать с корзиной пирожков. Я предложила отнести их проводникам, но Ирма, заметив Рейнара возле повозок, крепче взялась за ручку.

— Ты с ним уже разговаривала?

— О дороге и жителях. Он посмотрел наши карты.

— И как он себя ведет?

— Занимается работой, как и все остальные.

Она поджала губы, собираясь возразить, однако Рейнар заметил нас и подошел.

— Добрый вечер, госпожа Венн.

— Рейнар, — произнесла она. — Давно не виделись.

— Давно.

Мать протянула корзину.

— Возьми пирожки. Я испекла сегодня утром.

Он поблагодарил ее, взял пирожок и передал корзину мне. Прежде Рейнар умудрялся съедать пять или шесть материнских пирогов за один вечер. Ирма, кажется, тоже вспомнила об этом, открыла рот, собираясь что-то добавить, и закашлялась.

— Тавин сообщил о вашем здоровье, — сказал Рейнар, когда она отдышалась. — В повозке найдется место, если на подъеме вам станет трудно идти.

— Я не такая старая, чтобы меня возили.

— Тогда будем рады, если оно не понадобится. Но пусть останется свободным.

Он извинился и вернулся к старосте. Мать смотрела ему вслед, а потом забрала у меня корзину и сама направилась к проводникам.

На ночь приезжих разместили в общинной управе, лошадей отвели в сарай возле кузницы. Рейнар попросил меня вернуться в архив для окончательной сверки карт. Он принес собственную схему горных дорог, нарисованную на плотной ткани.

— Здесь мы не были, — сказал он, указывая на восточный склон. — Но дальше, за верхним постом, все знакомо. Если рудный проход сохранился, попадем в лощину. Проблема в последнем мосте.

— Его ремонтировали девять лет назад. Заменили часть каменных вставок. Вот сведения о ремонте.

Мы определили, какие документы следовало взять с собой, и он внес в схему предполагаемый маршрут. Оригиналы я решила оставить в верхнем помещении архива, куда, по расчетам военных, вода не должна была подняться. В дорожной сумке и без них едва хватало места. Я взяла копии земельных списков, чтобы после переселения люди могли хотя бы подтвердить право на оставленное имущество.

— Вы уверены, что эти книги сохранятся? — спросил Рейнар.

— Нет. Но унести их все невозможно. Попробую отправить наиболее важные выписки с теми, кто собирается в верхние поселения.

— Попросите Галена выделить человека. Он может заняться этим, пока вы работаете с нами.

Я записала его предложение. Как оказалось, отдать хотя бы небольшую часть своих обязанностей кому-нибудь другому было гораздо проще, если не считать это личной неудачей.

— Вы будете идти вместе с нами до Каменного Порога?

— Разумеется. Я тоже уезжаю из долины.

— Тогда возьмете на себя списки и карты. Бренн будет заниматься обозом, я — проверять дорогу. Если обнаружите что-нибудь, чего нет в документах, или кто-нибудь из местных сообщит вам новые сведения, передавайте их сразу. Даже если они кажутся незначительными.

Последнюю фразу он произнес чуть медленнее.

— Понимаю, — ответила я.

— Еще одно. Если понадобится изменить маршрут, не делайте этого самостоятельно. Даже ради одного человека. Сначала нужно обсудить, как это повлияет на остальных.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы ответить. Он мог ограничиться моими чертежами и поручить дальнейшую работу кому-нибудь другому.

— Я буду сообщать все, что относится к переходу. И не стану принимать решения о маршруте без тебя и Бренна.

Рейнар придвинул ко мне схему, показывая, где оставить место для новых отметок.

— Хорошо. Тогда возьмите ее. Утром сверим с остальными.

Я свернула ткань. Хотелось спросить, кто научил его писать такими аккуратными мелкими буквами, когда прежде служебные записи могли разобрать только люди, достаточно долго знавшие автора. Вместо этого я уточнила время выхода. Подниматься предстояло до рассвета.

По просьбе Рейнара я отнесла окончательный список Галену, а затем зашла в управу передать Бренну записи о распределении груза. Проводники ужинали за длинным столом. Бренн поблагодарил меня за листы и предложил поесть. Я отказалась, а когда направилась к двери, услышала, как он окликнул Рейнара и попросил достать из дорожного мешка запасные ремни.

Рейнар стоял в дальнем углу зала. Он как раз вернулся с вечернего осмотра лошадей и стягивал тяжелый плащ. Ткань зацепилась за плечо. Он попытался освободиться привычным движением, но вдруг замер, осторожно опустив левую руку.

— Давай помогу, — предложил Бренн, поднимаясь с места.

— Подожди. Застежка опять попала под ремень.

Бренн расстегнул пряжку и стянул плащ. Вместе с верхней одеждой сдвинулся ворот рубахи, открыв участок кожи возле шеи. Там, где прежде я помнила гладкое загорелое плечо, теперь виднелся широкий неровный рубец, уходивший под ткань к спине. Рейнар поправил рубаху правой рукой и несколько раз осторожно повернул левое плечо.

Бренн спросил, не следует ли позвать лекаря. Рейнар ответил, что ему достаточно отдохнуть и согреться, и принялся искать ремни.

Однажды я подвернула ногу на речной переправе. Рейнар нес меня до дома и всю дорогу сетовал, как тяжело приходится драконам, влюбленным в женщин, которые считают себя неуязвимыми. Особенно хорошо я помнила его левую руку под моими коленями.

Я вышла прежде, чем он успел меня заметить. За дверью был прохладный вечер, пахнущий дымом и опавшими яблоками. Из управы доносились голоса мужчин; кто-то попросил передать хлеб, и Рейнар что-то ответил. По голосу нельзя было догадаться, что только что он с трудом справился с собственным плащом.

О потере звания я знала, а каким Рейнар вернулся из крепости, не спросила ни у кого. Сейчас хотелось вернуться в управу, но он уже сказал, что не желает обсуждать прошлое. Я поправила ремень сумки. За сложенными картами лежал старый ключ.

У матери горел свет. Тавин сидел на крыльце, заканчивая чинить ремешок лекарской сумки. Он поднялся навстречу и сказал, что все вещи готовы. Я попросила его утром помочь

господину Лемму добраться до повозки, затем вошла в дом и села рядом с матерью, которая предложила выпить чаю перед сном.

Пока Тавин рассказывал, как Рейнар помог распределить больных, я еще раз вспомнила рубец. Утром я боялась его ненависти. Теперь мне предстояло работать с человеком, которому причинила куда больше вреда, чем позволяла себе представить. Я положила карты возле двери, чтобы не забыть их на рассвете.

Глава 3. Цена короткой дороги

Утром мать разбудила меня скрипом крышки отцовского сундука. Вчера мы потратили добрый час на уговоры, и мне казалось, что она смирилась с необходимостью оставить его дома. Однако Ирма снова перебирала содержимое: доставала рубашки, прикладывала к груди давно вышедшие из моды платья, перекладывала полотняные мешочки с пуговицами.

— Мама, через полчаса надо быть на площади.

— Я знаю. Иди умойся, вода в кувшине еще теплая.

На столе возле нее стояла открытая жестяная коробка. В ней лежали отцовские письма, несколько монет и вырезанная из кости птица, которую он привез мне из первой поездки на побережье. Мать завернула коробку в платок, уложила в дорожную сумку и захлопнула сундук.

— Вот и все. Ключ возьму с собой. Если вернемся, будет чем открыть.

Она сказала это так буднично, что я не сразу поняла, какого решения ей стоило оставить сундук. Мы проверили застежки и пошли на кухню завтракать.

Тавин успел выскочить из дома еще до нас. Ему предстояло добраться до господина Лемма и помочь перенести его в повозку. Кошку мать накануне устроила у двоюродной сестры, жившей выше по склону. Туда же, по нашей договоренности с Галеном, отправили несколько ящиков архивных книг вместе с людьми, которые уходили в верхние селения. На этом удалось закончить хотя бы часть наших дел.

К рассвету улица наполнилась скрипом колес и голосами людей, которые в последний момент разыскивали родственников. Кто-то забыл лекарство, кто-то вернулся проверить ставни.

На нижней площади Бренн стоял возле первой повозки с ведомостью в руках. Судя по его лицу, утро ему уже успело надоесть.

— Ваша госпожа Адель принесла табурет, — сообщил он, когда я подошла.

— Это хорошо. Ей нужна подставка под ногу.

— Я приготовил подставку. А у нее табурет с резными ножками и сиденьем из гобелена. Говорит, не положит больную ногу на неструганую доску.

— Где она?

— Сидит на своем сокровище и ждет, когда я соглашусь везти его до самого Каменного Порога.

В конце концов госпожа Адель позволила нам оставить табурет в управе, но только после того, как Бренн отдал ей свое свернутое одеяло и собственноручно уложил его поверх злополучной доски. Я внесла последние исправления в списки, помогла матери устроить сумку в повозке и нашла Тавина. Он уже закончил возиться с больными и теперь пил из кружки горячую воду, в которой плавали какие-то сушеные листья.

— Господин Лемм в третьей повозке, — сказал брат. — Редда с малышом в четвертой. Маму я посадил рядом с Адель. Пусть едет хотя бы до первого привала, пока дорога хорошая.

Я поискала глазами Ирму. Она устроилась на краю скамьи, положив на колени дорожную сумку, и о чем-то беседовала со старушкой. Возразить брату на этот раз было нечего.

Рейнар пришел с верхней стороны площади. Он передал одному из проводников два длинных шеста, поговорил с возницами и подошел к нам. Темные волосы растрепались на ветру, одна прядь упрямо падала на лоб. Я отвела взгляд к спискам.

— Все на месте? — спросил он.

— Сейчас проверим. Гален обходит дворы, больше никто не должен задержаться.

Староста появился спустя несколько минут. Он передал ключи от управы кузнецу, собиравшемуся уехать к родственникам в верхнее поселение, и взобрался на облучок последней повозки. Перекличка подтвердила, что все сто восемнадцать записанных жителей на месте.

Рейнар велел держаться своей группы и сообщать о любых трудностях с ходьбой, пока человек еще способен стоять на ногах. Возницам предстояло сохранять промежутки между телегами, особенно на спусках. Он говорил достаточно громко, но обходился без военных команд, которые прежде часто раздавались на нашей площади.

Мне было поручено идти ближе к началу обоза. Я поправила ремень сумки, ощутив под тканью твердый угол папки с картами, и заняла место возле Бренна.

Мы покинули поселение, когда солнечный свет только коснулся верхушек яблонь.

Дорога поначалу ничем не отличалась от той, по которой я ездила на ярмарки и ходила с отцом за грибами. Над изгородями склонялись ветви, вдоль обочин темнели мокрые стебли подорожника. В садах оставались лестницы и корзины. За оградой господина Торрена лежали целые россыпи яблок, которые теперь некому было собирать. Сам хозяин, после вчерашнего спора о вине, явился с одним узлом вещей и занял место среди пеших жителей.

Дойдя до поворота, я оглянулась. Крыша архива еще виднелась над деревьями. За несколько лет службы я столько раз жаловалась на сквозняки, протекающее окно и неудобную лестницу, что должна была бы обрадоваться возможности оставить здание. Вместо этого мне хотелось вернуться и еще раз пройти между шкафами, убедиться, что каждая книга стоит на своем месте.

Повозка впереди подпрыгнула на камне, и Бренн попросил меня смотреть под ноги: я как раз собиралась наступить в глубокую лужу.

— Первый час люди обычно оглядываются. На втором начинают жаловаться на сапоги. К третьему я уже знаю, кто у нас самый несчастный человек на свете.

— А к четвертому?

— К четвертому ему обычно находится достойная замена.

Рейнар шел впереди, проверяя дорогу вместе с молодым проводником по имени Элден. У первого заболоченного участка они остановили обоз и отвели лошадей на более твердую обочину. Вместе с возницами Рейнар помогал перекатывать одну из повозок. Он взялся за колесо с правой стороны и уперся сапогами в землю. Когда колесо наконец выбралось из колеи, лошадь дернулась вперед, и он успел придержать мальчишку, подбежавшего слишком близко.

На военной службе Рейнар тоже умел обращаться с людьми, однако тогда многие слушались его прежде всего из-за звания. Теперь Бренн мог посреди работы сказать ему, чтобы тот перестал мешать с левой стороны и перешел к другой повозке. Рейнар ни разу не обиделся. Он спорил, когда считал решение неверным, и без особых церемоний соглашался, если помощник оказывался прав. Мне нравилось наблюдать за ними, хотя еще вчера я бы, наверное, испугалась собственного удовольствия.

К середине утра мы добрались до развилки, где от западной дороги отходил старый мельничный тракт. Возле воды имелся небольшой мост, позволявший попасть к мельнице с другой стороны и миновать несколько крутых подъемов. Им пользовались владельцы садов до весеннего паводка. Гален уверял, что по нему еще в прошлом месяце провели телегу с пустыми бочками.

Рейнар отправил Элдена вперед, а сам вместе с Бренном спустился осмотреть переправу. Мы остановили обоз на широкой площадке, где прежде сушили сено. Люди с удовольствием расселись на траве, достали воду и хлеб. Тавин тут же пошел от одной повозки к другой, проверяя, кому стало хуже после первых часов дороги.

— По мосту не пойдем, — сказал Рейнар, вернувшись. — Под средней опорой вымыло грунт, один край настила просел.

Гален и несколько жителей предложили провести телеги по одной, а Марек — сперва разгрузить их. Рейнар выслушал всех.

— Упасть с повозкой можно и в сухую канаву, Гален. Посмотрите, какие там берега. Обход длиннее, зато есть надежда довести до мельницы весь обоз.

— А по обходу проедем? — спросил Торрен. — Вы же там еще не были.

— Поэтому сначала туда пойдут двое моих людей. Остальные останутся здесь.

Я наклонилась над картой.

— Можно избежать самого крутого подъема. Здесь, вдоль бывшего мельничного канала, проходит дорога для подвоза зерна. Ее забросили после закрытия верхней мельницы, но земля по-прежнему числится общинной. Никаких заборов там быть не должно.

Рейнар присел рядом и попросил показать, где начиналась эта дорога. Я объяснила, что искать ее следовало выше старой ивы, за остатками деревянного лотка. Элдену и второму проводнику, Гарту, предстояло проверить ширину проезда, состояние грунта и возможность выхода к основному мельничному тракту. Они ушли, прихватив шесты для проверки почвы.

— Госпожа Венн, покажите мне еще раз выход канала к мельнице. Если лоток разрушен, вода могла пойти поверх старой дороги.

Я показала место, где склон понижался. Он отметил его на своей схеме, убрал ее в чехол и отправился к возницам. Я осталась ждать разведчиков.

Тавин сидел на ступеньке последней повозки, подложив под себя сложенный мешок. Рядом с ним устроилась госпожа Редда, которая, пока ребенок спал у нее на руках, пыталась выяснить, долго ли нам еще ехать. Брат развернул перед ней небольшой лист, провел пальцем по нарисованным на нем линиям и показал, где можно будет остановиться на ночь.

— А вода там есть? — спросила Редда.

— Должен быть источник. Вот здесь, возле дороги. Спросим у проводников.

— Хорошо бы постирать пеленки. Мужчины ваши, конечно, не в курсе, сколько их требуется одному ребенку.

— Я вполне в курсе, — возразил Тавин. — Меня последние два месяца посылают полоскать повязки, так что в стирке я скоро буду разбираться лучше нашей прачки.

Рейнар подошел узнать о состоянии господина Лемма. Заметив лист, он попросил Тавина дать ему карту. Я вспомнила, что сделала эту копию вчера утром, перед прибытием артели. Перенесла на лист только дороги, водоемы и строения, чтобы лишние обозначения не мешали брату.

Рейнар изучил ее и направился ко мне.

— Откуда это у Тавина?

— Я сделала копию вчера. Он хотел знать, где можно набрать воды.

— Почему я вижу ее впервые?

— В ней нет ничего, чего бы ты не видел на моих чертежах. Только обозначения источников.

Он положил лист поверх большой карты.

— Здесь отмечен короткий путь через мост, по которому мы не пойдем. И вот этот колодец. Мы еще не знаем, пригоден ли он для использования. Но ваш брат уже показывает людям возможное место остановки.

— Он сказал, что спросит проводников.

— А если завтра кто-нибудь решит уйти за водой, пока обоз стоит? Вы станете искать его по горам?

— Достаточно сказать брату, какие отметки устарели. Мы можем исправить карту прямо сейчас.

Рейнар окинул взглядом людей, находившихся поблизости, и предложил мне отойти за повозку.

— Сколько еще копий вы раздали?

— Больше ни одной.

— Уверены?

Таким тоном чиновники проверяли показания подозреваемых. Я невольно выпрямилась.

— Да, уверена. Карту я передала Тавину до того, как мы распределили обязанности. Вчера вечером забыла об этом сказать.

— Мы договаривались, что я буду знать обо всех сведениях, которыми располагают люди. Если вам хочется принимать решения отдельно от меня, лучше передайте документы Бренну. Он хотя бы не станет решать, что мне следует знать, а что нет.

К лицу прилила кровь. За повозкой разговаривали две женщины, которые вполне могли слышать нас.

— Если бы я хотела скрыть карту, Тавин не показывал бы ее при тебе. Я готова исправить ошибку, но мне неприятно, когда со мной разговаривают так, словно я собиралась обмануть тебя.

— Вы прекрасно знаете, что может стоить даже одна такая ошибка.

— Знаю. И если я что-то упустила, ты вправе потребовать, чтобы я исправила ошибку. Но не надо подозревать меня в дурных намерениях всякий раз, когда что-нибудь идет не так.

Рейнар сжал край карты. В прежние годы во время наших редких ссор он всегда находил какую-нибудь вещь, которую мог вертеть в руках, пока пытался сдержать раздражение.

— Я отвечаю за этих людей, Лиора.

Он впервые с момента приезда произнес мое имя без официального обращения. Жаль, что произошло это при таких обстоятельствах.

— Я тоже перед ними отвечаю. И если мы собираемся работать вместе, мне нужно иметь возможность сказать тебе об ошибке, не опасаясь, что ты сразу обвинишь меня во лжи.

Он молча вернул мне лист.

— Исправьте эту копию. Больше по ней никто не должен определять дорогу самостоятельно.

— Хорошо.

Мы разошлись. Я вернулась к Тавину, зачеркнула короткий путь через мост, обвела неподтвержденные источники и объяснила, что дальнейшие остановки будут известны только после осмотра местности. Брат удивился, когда я попросила его впредь передавать Бренну сведения о любых дополнительных картах, но спорить не стал.

Покончив с этим, я некоторое время просидела на ступеньке повозки, глядя, как госпожа Адель увлеченно чистит яблоко маленьким перочинным ножом.

Раньше Рейнар оставлял на моем столе служебные бумаги, уверенный, что никто посторонний их не увидит. Сегодня незнакомая карта в руках Тавина оказалась достаточным поводом для подозрений. Как мне работать с ним, если за каждый промах придется оправдываться как за предательство?

Госпожа Адель протянула мне половину очищенного яблока.

— Ешьте, пока оно хорошее. Сын моей сестры говорит, будто в Каменном Пороге ничего, кроме камней и козьего молока, не бывает.

— Уверена, там есть яблоки.

— Привозные. А откуда их привозить, когда наши сады зальет? Вот то-то и оно.

Я поблагодарила ее и откусила от яблока. Оно оказалось кислым, с жесткой серединкой. Когда вернулись разведчики, я снова развернула карту перед Рейнаром.

Элден и Гарт нашли дорогу возле старой ивы. Местами она заросла травой, однако ширины хватало для повозок. У разрушенного лотка пришлось бы на время разгрузить одну или две телеги, чтобы провести их по мягкому грунту. Дальше дорога соединялась с обычным мельничным трактом и позволяла объехать опасную переправу.

Бренн внимательно рассмотрел схему.

— Значит, вместо трех подъемов будет один длинный. Годится. Только людей высадим прежде, чем доберемся до лотка.

— Больных тоже? — спросил Тавин.

— Если можно безопасно перенести на носилках. Сначала осмотрим участок.

Рейнар велел готовиться к выходу. Я пошла вдоль повозок, сообщая жителям об изменении пути. Торрен первым поднялся с земли, хотя еще недавно отстаивал короткую дорогу. Господин Марек заявил, что от длинного подъема у него непременно отвалятся ноги. Бренн предложил положить их в обоз, если это произойдет, и старик перестал жаловаться.

Мельничную дорогу я бы не заметила, не зная, что искать. Она начиналась за зарослями кустарника, а остатки лотка слились с лежавшими вокруг ветками. Проводники расчистили несколько узких мест, но мы все равно двигались медленно. На подъемах взрослые помогали лошадям. Дети, сначала с удовольствием бегавшие по обочинам, начали отставать и проситься на руки.

Возле разрушенного лотка Рейнар остановил первую повозку. Вода стекала с каменистого склона и собиралась в неглубокой впадине, которая пересекала дорогу. За несколько дождливых дней земля здесь превратилась в вязкую грязь. Гарт проверил ее шестом, нашел более твердый край и вместе с остальными проводниками уложил поверх самого мягкого участка несколько принесенных с обочины ветвей.

Мы начали переносить вещи. Госпожу Адель и Лемма переправили отдельно, на носилках. Мать настояла, что сможет пройти сама, и я осталась возле нее, пока она добиралась до сухой земли. На последнем шаге Ирма остановилась отдышаться, прижав платок ко рту. Кашель затянулся, и Тавин, увидев нас, подошел с флягой.

— Посиди немного, — сказал он матери. — Мы еще не все телеги провели.

Я помогла ей усесться на камень и вернулась за оставшимся грузом. Возле повозки застряла девочка лет семи, дочь одного из садовников. Она ступила в грязь и никак не могла вытащить сапог. Ее отец как раз нес на плече тяжелый мешок. Я взяла девочку за руку, попыталась помочь и чуть сама не осталась без обуви.

— Стойте, — окликнул меня Рейнар.

Он спустился с твердого края, подхватил девочку под мышки и перенес на камень. Освободившийся сапог вытащил Гарт. Когда я попыталась последовать за ребенком, земля под ногой поползла, и Рейнар протянул мне правую руку.

— Сюда. На камень.

Я оперлась на его ладонь. Он помог мне выбраться и сразу отпустил. Среди грязи, усталых лошадей и десятков людей мне вдруг захотелось задержать совершенно обыкновенное прикосновение.

— Спасибо, — сказала я, поправляя юбку.

— В следующий раз позовите кого-нибудь. Из такой глины в одиночку можно выбираться до обеда.

— Скажите это девочке. Она первая наступила туда.

— Ее я уже предупредил. Она обещала больше не сворачивать с дороги. Посмотрим, как у вас с этим получится.

Я подняла глаза и увидела, что он слегка улыбается. Пока я подбирала ответ, Рейнар отправился помогать возницам.

Почти два часа ушло на переход и ремонт сломанного борта телеги. Наконец мы вышли к мельничному тракту. За остатками каменной стены виднелся заброшенный хозяйственный двор.

Рейнар сверился со схемой и поговорил с Элденом. До поселения возле действующей мельницы оставалось еще несколько километров. С учетом состояния людей и лошадей преодолевать их в сумерках он не собирался. У заброшенного двора имелись источник, сухая площадка и навес, под которым могли расположиться больные. Здесь решили остановиться на ночь.

Пока проводники осматривали строения, мы с Галеном пересчитали жителей. Все сто восемнадцать человек добрались до места. У господина Лемма усилилась боль в ноге, двум детям Тавин перевязал натертые пятки. Мать выглядела уставшей, но уверяла, что после ужина почувствует себя лучше.

Больных разместили под уцелевшим навесом. Остальные расстелили постели у стены, защищавшей от ветра. У источника проводники развели два костра; вскоре запах вареной крупы с овощами разнесся по двору. Тавин отправился за дровами.

Я сидела у костра и записывала расходы продовольствия, пока Гален выяснял, куда пропали два мешочка муки. Оказалось, что госпожа Редда передала их женщинам, занявшимся ужином. Староста отправился за мисками, а на освободившееся место сел Рейнар. Он протянул мне карту Тавина с новыми отметками.

— Источник здесь хороший, — сказал Рейнар. — Элден проверил. А про два следующих пока ничего не известно.

Я внесла изменения в свою схему.

— Спасибо. Я просила брата не показывать людям места остановок, пока мы их не подтвердим.

— Правильно. И еще, Лиора. Сегодня я зря решил, что вы намеренно не сообщили о копии.

Я перестала писать.

— Мне стоило сначала выяснить, когда она была сделана, — продолжил он. — Извините.

Я ждала, что последует какое-нибудь условие или напоминание о причине его недоверия. Рейнар просто взял кружку и отпил из нее.

— Спасибо, что сказал. Я действительно должна была вспомнить о карте вчера.

— Тогда мы успели бы поесть до возвращения разведчиков.

— А я бы сэкономила половину листа. Тавин теперь пишет на полях, где я зачеркнула дорогу.

Рейнар заглянул в карту и разобрал одну из братовых записей.

— «Лемм — не давать вставать». Разумное указание для всей артели. Можете передать Бренну.

Я рассмеялась. Мы еще немного поговорили о предстоящем переходе, пока он пил чай, затем Рейнар попросил меня дать ему чертеж мельничного канала. Он хотел осмотреть дорогу до завтрашней остановки, пока не окончательно стемнело.

— Полетишь?

— На высоту хребта подниматься не нужно. Достаточно посмотреть, цел ли спуск к поселению.

Он забрал схему и направился к Бренну, а я пошла искать свою миску.

Ужин закончился, когда на западном склоне еще оставалась узкая полоска света. Мать уже улеглась под навесом, и Тавин сидел рядом с ней, перебирая содержимое лекарской сумки. Я принесла Ирме теплую воду, устроила возле ее головы свернутую шаль и вышла к источнику умыться.

За каменной стеной послышался шум. Несколько детей бросились туда, но Бренн остановил их и велел держаться подальше от двора старой конюшни. Я успела увидеть над стеной темное крыло, потом второе. От взмаха по земле прокатился ветер, взметнув сухую траву и золу возле потухшего очага. Дракон поднялся над постройками, набрал высоту и повернул вдоль склона.

Шесть лет назад я видела Рейнара в крылатом облике едва ли не каждую неделю. Мне нравилось, как менялся цвет его чешуи на солнце, от темной меди на спине до почти золотистого оттенка возле шеи. Иногда он брал меня с собой до верхних лугов. Первое время я смот-

рела исключительно на собственные руки, которыми держалась за специальный пояс. Позднее мы уже спорили о том, насколько далеко можно забраться до ужина.

Теперь дракон летел гораздо ниже, чем я помнила. Левое крыло при повороте оставалось чуть более расправленным, и ему приходилось заметно накренять тело, чтобы изменить направление. В наступавших сумерках трудно было разглядеть чешую, зато неровный ход крыльев был заметен даже издалека.

Я дождалась, пока он исчезнет за поворотом долины, и вернулась к костру. Бренн подбросил туда сухих веток. Он напевал под нос, и я попросила его продолжать, когда он смутился, заметив меня.

— Жена тоже сперва просила, — сказал он. — Потом пожили вместе лет пять, и она предложила мне петь исключительно в сарае.

— Может, вам стоит выучить другие песни.

— Сын говорит, что мне лучше расширить выбор занятий.

Бренн засмеялся. Он успел рассказать, как младшая дочь однажды спряталась в пустой бочке, собираясь тайком отправиться с артелью в горы, но тут за стеной послышался шум.

Дракон возвращался. Над двором Рейнар сделал широкий поворот и тяжело опустился за стену. Один из проводников взял фонарь и одежду и направился к конюшне. Бренн остался ждать у костра.

Спустя некоторое время Рейнар вышел из-за стены в человеческом облике. Он перекинул плащ через плечи, но ворот его рубахи оставался расстегнутым. По дороге к Бренну Рейнар дважды пытался просунуть конец ремешка в пряжку. Левая рука заметно дрожала, и он наконец оставил застежку в покое.

Я машинально поднялась. Прежде я бы поправила на нем одежду, даже не спросив. Сейчас он беседовал с товарищем, и я снова села, положив на колени сумку.

— Спуск цел, — сообщил он Бренну. — У мельницы еще живут люди. Видел свет в нескольких домах. Утром зайдем туда.

— А как дорога дальше?

— Посмотрим с земли. За поселением деревья закрывают склон.

Бренн протянул ему кружку с горячим отваром. Рейнар обхватил ее обеими руками и сел у огня. Когда он повернулся в мою сторону, я достала карту и попросила показать, где он видел дома. Он подвинул фонарь ближе, указал нужное место и терпеливо подождал, пока я сделаю пометку.

Позднее проводники распределили ночные дежурства. Я убрала записи в сумку и отправилась под навес, где устроились мать и брат. Тавин спал, положив голову на свернутый плащ. Ирма подвинулась, освобождая мне место, и спросила, удачно ли прошла разведка.

— Завтра дойдем до мельничного поселения. Там еще остались люди.

— Значит, возьмем и их?

— Если они захотят идти с нами, конечно.

Мать тихо вздохнула. Я легла рядом, прислушиваясь к ночным голосам. Кто-то попросил подбросить дров, лошадь ударила копытом по земле. За стеной Рейнар обсуждал с Бренном завтрашний выход, и мне было слышно, как он смеялся над каким-то замечанием товарища.

Мне всегда представлялось, что все между нами решит один разговор. А сегодня мы обошли разрушенный мост, вытаскивали телеги из грязи и ели из походных мисок. И впервые за шесть лет я легла спать, зная, что утром Рейнар будет ждать меня с картой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.